

позитивный образ советской действительности, который затем следовало внедрять в сознание простых людей, являлись важным каналом коммуникации руководителей и низовых партийных организаций, способствовали разнонаправленной мобильности политических активистов.

1. Карельская организация КПСС в цифрах. 1921–1984 / отв. ред. Е. М. Морозов. – Петрозаводск : Карелия, 1985. – 152 с.
2. Очерки истории Карельской организации КПСС / редкол.: М. Х. Киуру [и др.]. – Петрозаводск : Карелия, 1974. – 589 с.
3. Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). – Ф. 3. Оп. 4. Д. 203.
4. НАРК. – Ф. 3. Оп. 5. Д. 7.
5. НАРК. – Ф. 3. Оп. 5. Д. 10.
6. НАРК. – Ф. 3. Оп. 5. Д. 219.
7. НАРК. – Ф. 3 Оп. 5. Д. 220.
8. НАРК. – Ф. 3. Оп. 5. Д. 221.
9. НАРК. – Ф. 3. Оп. 5. Д. 222.
10. НАРК. – Ф. 3435. Оп. 2. Д. 196. Тетрадь 5.
11. Филимончик, С. Н. Как в Карелии строили партию-крепость : опыт 1930-х годов / С. Н. Филимончик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – Т. 42, № 6. – С. 91–99.

Кучик Б.Г.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1919–1939 ГГ.)

Эффективная налоговая система государства должна стимулировать накопление и рациональное использование национального богатства страны, способствовать гармонизации интересов экономики и общества и тем самым обеспечить социально-экономический прогресс общества [12]. Очевидно, что институт налогообложения играет огромную роль не только в экономике, но и во всей социальной сфере. Подтверждение этих слов можно найти в прошении жителя Западной Беларуси Романа Жущмы от 18 июля 1931 года в адрес Министерства промышленности и торговли. Небольшой предприниматель из деревни Семеховичи Пинского повета Полесского воеводства просил освободить его от необходимости покупки промышленного свидетельства и налогов при осуществлении торговли по месту жительства ввиду того, что сам он является инвалидом, а на его попечении находятся жена и маленький ребёнок [6, л. 75]. Это прошение отражает не только важность справедливой налоговой системы, но и недостатки системы социального обеспечения Польской республики межвоенного периода. А на социальную политику государству также требуются большие расходы, которые восполняются налогами. Так, доля прямых налогов в объёме бюджета межвоенной Польши составляла от 25 % в 1920-х гг. до 39 % в конце 1930-х гг. Ещё около 30 % доходов составляли монополии государства на алкоголь, табачные изделия, соль и лотереи [14, с. 325].

На практику налогообложения влияет масса факторов – квалификация и культура труда персонала, правовая культура налогоплательщиков, материальное обеспечение учреждений по налогам и сборам, общая экономическая ситуация и другие. При исследовании данных факторов в Западной Беларуси большой интерес представляют документы Государственного архива Брестской области (ГАБО), которые были созданы в результате деятельности различных органов местного управления и самоуправления.

Наибольший интерес представляет Фонд 50 «Брестская казенная палата финансовой секции Гражданского управления Восточных земель Польши (с 1920 – Министерства финансов Польши), г. Брест Брестского (с 18.11.1920 – Полесского) округа (с 04.02.1921 – Полесского воеводства)», охватывающий 1919–1939 годы. С 28 апреля 1921 до апреля 1930 года деятельность данного органа распространялась не только на Полесское, но и на Новогрудское воеводство, то есть охватывала значительную часть Западной Беларуси.

Документы фонда описывают конкретные сложности, возникавшие в процессе становления польской налоговой системы на территории Полесского воеводства. Достаточно полно представлены кадровые проблемы и эффективность сотрудников. Так, в Отчётах ревизоров Казённой палаты (Скарбовой Избы) в Бресте (Брест-над-Бугом) пан Растишевский во время ревизии Правления (Urząd) акциз и государственных монополий упомянутой Избы в 1922 году пришёл к выводу, что начальник данного правления по фамилии Мыц не соответствует занимаемой должности. Мыц мало знаком с ведением акцизной деятельности и имеет в ней мало руководящего опыта, проявляет низкую активность – и даже плохо владеет польским языком. А инспектор Ковальский из Кобрина хоть и проработал 20 лет на Кавказе, но разбирался только в акцизах на вина. При этом имел проблемы по предоставлению отчётности даже по алкоголю и возвращался из инспекций без составленных протоколов о правонарушениях [3, л. 5].

В целом, недостатки сотрудников заключались в малом количестве составленных протоколов о правонарушениях в области налогового законодательства, в недостаточной компетентности и даже в разгульном образе жизни, который мешал работе. Отмечалось, что добросовестные сотрудники не могут достичь высокой эффективности из-за отсутствия компетентного руководства и необходимости помогать другим сотрудникам на иных направлениях работы. Повсеместно отмечается слабый контроль за подакцизной деятельностью, проблемы с опломбированием специального оборудования, путаница в документах [3, л. 5–8].

Весьма важной представляется переписка и отчёты руководителей Казённой палаты в Бресте. Один из них в письме от 31 июля 1922 сообщает в Министерство финансов о многочисленных проблемах, связанных с переездом сотрудников. Отмечается, что он сам ещё живёт в помещении при Избе, даже поветовые старосты до сих пор вынуждены жить в гостиницах [3, л. 139].

Документы, посвящённые учёту личного состава налоговых органов, также описывают тяжёлую кадровую ситуацию в Полесском и Новогрудском воеводствах в начале 1920-х годов. По состоянию на 31 декабря 1921 года в налоговых учреждениях было вакантным 61 место. Из 89 сотрудников только 7 имели высшее образование. К шестому (высшему), седьмому и восьмому служебным классам относилось всего 20 человек. Нехватка извозчиков и курьеров составляла 28 человек [4, л. 222–223].

Со временем данные кадровые проблемы решались, однако у руководства Казённой палаты в Бресте оставалась масса претензий. Особенно это касалось секвестраторов – должностных лиц, которые принудительно взымали налоговые задолженности. Иногда их роль исполняли люди должного опыта, из-за чего результаты деятельности были низкими. Циркуляр брестской казённой палаты за 1931 год прямо указывает на слабый контроль за деятельностью секвестраторов со стороны поветовых органов, а в некоторых поветах результаты работы находятся в плачевном состоянии, экзекуция (приведение в исполнение решений о принудительном взыскании задолженностей) проводится весьма хаотично [5, л. 1].

Почти в трети случаях секвестраторы приходили к выводу, что задолженность взыскать уже невозможно. Документы об изъятии имущества в счёт погашения задолженности в абсолютном большинстве случаев оформлялись без конкретной даты лититации – аукциона по продаже населению данного имущества. В результате было невозможно корректно проводить данные лититации [5, л. 2].

При объяснении причин такого положения дел руководство обращало внимание, что нельзя всё сводить к экономическому кризису (1929–1933 гг.) – многие проблемы случаются именно из-за неправильно организованного процесса. В итоге даже Министерство финансов было вынуждено констатировать, что налоговые органы демонстрируют отсутствие заинтересованности в наполнении государственного бюджета [8, л. 1].

При анализе документов можно выделить разные пути решения проблем налогообложения. С одной стороны, на фоне массового роста задолженностей проводились различные конференции с целью информирования населения о налоговых льготах и способах погашения долгов по уплате налогов [7, л. 2, 3, 6]. С другой, жёстко ставился вопрос о сокращении аппарата секвестраторов в том случае, если расходы на его содержание не покрывались поступлениями от их деятельности. Однако задолженность, которую невозможно было взыскать, росла – 47 % в Полесском воеводстве [9, л. 49]. Кроме того, казённая палата рассылала в региональные правления разъяснения о порядке сбора налогов с целью недопущения ошибок [9, л. 34].

Анализировалась и ситуация с налогоплательщиками. Казённая палата указывала на факт отсутствия у заметного числа ремесленников специальных карт, дающих право на легальную деятельность [9, л. 104]. Увеличение продажи промышленных свидетельств на право ведения торговли было связано не с улучшением экономической ситуации, а с участвовавшими проверками во время ярмарок (Кобринский повет) и изменениями в законодательстве – больше плательщиков стали обязаны покупать свидетельства восьмой категории [9, л. 125].

Определённое внимание необходимо уделить Фонду 53 «Окружная палата государственного контроля Волынского и Полесского воеводств Верховной палаты государственного контроля Польши, г. Ковель Волынского воеводства (с 12.03.1924 – г. Брест Полесского воеводства)». Документы фонда поднимают вопросы материального обеспечения деятельности системы налогообложения. Так, в феврале 1930 брестская казённая палата оплатила покупку 56 портфелей на общую сумму 2 352 злотых. Палата объясняла необходимость портфелей для секвестраторов и курьеров тем, что они возят большие суммы банкнот и важные документы, которые без портфелей могут быть повреждены или утеряны [11, л. 34об., 47].

К значимым фактам, которые содержат документы палаты госконтроля, можно отнести выявленные ошибки на сумму 108 493,75 злотых в бюджете брестской казённой палаты, исправлять которую пришлось на министерском уровне [11, л. 34об., 49]. О взаимоотношениях между руководством и подчинёнными может свидетельствовать случай налогового сотрудника Филимонова. Палата гос-

контроля настаивала, что налоговый орган мог не выплачивать компенсацию в сумме 118,04 злотых за неиспользованный отпуск. Но руководитель казённой палаты отстаивал права своего сотрудника, ссылаясь на тяжёлое материальное положение и отсутствие карьерных перспектив немолодого Филимонова (судя по всему, сотрудник был православным, что и затрудняло его карьерный рост в условиях государственной ассимиляции – Б. К.) [11, л. 50].

Большим информационным потенциалом обладают протоколы заседаний съездов начальников правлений, которые содержатся в Фондах 50 и 53. В таких протоколах подробно описываются трудности и достижения налоговых органов – начиная с материального положения учреждений и заканчивая критикой и предложениями по совершенствованию налогового законодательства [10, л. 1–3].

Также важны фонды органов местного управления и самоуправления. В ГАБО находится 37 фондов гминных правлений поветов Полесского воеводства (гмина – территориальная единица повета, в свою очередь из поветов состояло воеводство), по материалам которых возможно исследовать практику налогообложения в сельской местности. Местные налоги, натуральные повинности и их размеры имели свою специфику и зависели от конкретной территории. Расходы гмины ложились на плечи населения. На каждый финансовый год в поветах утверждались Статуты о повинностях и дорожных свидетельствах для каждой гмины. Статуты регламентировали шарварки – повинность, заключающуюся в общественных работах по благоустройству дорог и местности [2, л. 4]. Проблемой шарварков и источниковой базы данной темы продуктивно занимался А. А. Савич [13].

Существовали и другие натуральные повинности. Например, в октябре 1938 года в гмине Жабинка Кобринского повета каждый двор громады Федьковичи должен был предоставить сечку (мелко нарезанную солому) из одного снопа с целью подготовки глины для укладки пола в школе-памятнике имени Ю. Пилсудского. Также громада на строительство школы должна была предоставить строительных услуг стоимостью 3 000 злотых и 500 злотых деньгами. А в июне 1938 года все гмины Кобринского повета должны были предоставлять безвозмездно подводы для транспортировки металлолома, собранного в рамках акции по поддержке национальной обороны (F.O.N.) [1, л. 31, 53, 58].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что документы фондов ГАБО затрагивают практически все стороны системы налогообложения на территории Западной Беларуси и могут быть эффективно использованы при проведении исследований по данной тематике.

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 45. Оп. 1. Д. 15.
2. ГАБО. – Ф. 45. Оп. 1. Д. 18.
3. ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 21.
4. ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 23.
5. ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 3422.
6. ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 3439.
7. ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 4728.
8. ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 4743.
9. ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 5609.
10. ГАБО. – Ф. 53. Оп. 1. Д. 4.
11. ГАБО. – Ф. 53. Оп. 6. Д. 18.
12. Дементьева, Н. М. Налоговая политика государства [Электронный ресурс] / Н. М. Дементьева // Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГУЭУ). – 2009. – Режим доступа: <https://is.gd/gLQV0o>. – Дата доступа: 12.03.2023.
13. Савич, А. А. Шарваркі ў Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. у кантэкście гістарыяграфічнага асэнсавання [Электронный ресурс] / А. А. Савич // Электронная библиотека БГУ. – 2015. – Режим доступа: <https://is.gd/qLBDGY>. – Дата доступа: 10.03.2023.
14. Jezierski, A. Historia gospodarstwa Polski / A. Jezierski, C. Leszczyńska. – Warszawa : Key Text, 1999.

Згірскі Ю.І.

АНКЕТАВАННЕ ПРЫ РЭГІСТРАЦЫІ БЕЖАНЦАЎ У СПРАВАВОДСТВЕ ЖАСНЯНСКАЙ ГМІНЫ МІЖВАЕННАЙ ПОЛЬШЧЫ ЗА 1920-Я ГАДЫ

Адной з характэрных рыс Першай сусветнай вайны стаў феномен масавага бежанцтва мірнага насельніцтва з зоны баявых дзеянняў. Ня глядзячы на падпісанне Брэсцкай дамовы паміж Савецкай Расіяй і блокам Цэнтральных дзяржаў і, як вынік, выхада Расіі з Першай сусветнай вайны, паліпшэнне становішча на тэрыторыі Беларусі пачалося толькі ў канцы 1920 г., што звязана са сканчэннем фазы актыўных баявых дзеянняў польска-савецкай вайны. Дзякуючы архіўным матэрыялам, інсуге магчымасць даследаваць механізм рэгістрацыі бежанцаў на тэрыторыі Жаснянскай гміны П Рэчы Паспалітай. Дзякуючы цэнтралізаванаму характару і агульнасці норм бюракратычных працэсаў на тэрыторыі міжваеннай Польшчы, матэрыялы са звышэйзгаданнай гміны можна выкарыстоўваць пры даследаванні падобных працэсаў у іншых рэгіёнах Заходняй Беларусі.

Перад разглядам бюракратычнага працэса, неабходна разгледзець адміністрацыйна-тэрытарыяльныя змены на тэрыторыі Віленскай губерні, у склад якой ўваходзілі землі створанай ў 1919 г. Жаснянскай гміны: